

**РИКАРДО
АЛЬВАРЕС**

**ФРАНЧЕСКА
МАМБРО**

СВИНЦОВЫЕ 70-е

**НАЦИОНАЛ-
БОЛЬШЕВИЗМ
В ЕВРОПЕ**

Против течения

Франческа Мамбро

**Свинцовые семидесятые.
Национал-большевизм в Европе**

«Алисторус»

2024

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)

Мамбро Ф.

Свинцовые семидесятые. Национал-большевизм в Европе /
Ф. Мамбро — «Алисторус», 2024 — (Против течения)

ISBN 978-5-00222-610-8

Семидесятые годы прошлого века вошли в историю как «свинцовые семидесятые». Это было удивительное время, когда по всей Европе взрывались бомбы, полыхали государственные учреждения и машины полиции, политиков убивали, а радикальная молодежь воевала с государством и между собой. Именно тогда в Италии восходит кровавая звезда терроризма того времени — вселяющая ужас в политиков и народ Франческа Мамбро. Её политическая деятельность выльется в десятки терактов (среди которых и самый крупный за всю историю Италии) и сотни унесенных жизней. Но путь этого человека не окончится в тюрьме. Он продолжится в правительственных кабинетах, как и путь множества других боевиков той эпохи. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)

ISBN 978-5-00222-610-8

© Мамбро Ф., 2024
© Алисторус, 2024

Содержание

Она снова здесь	6
«Красная» Миссина. Франческа Мамбро: «Всегда и в любом случае против течения»	8
Черная автономия	17
Глава первая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Рикардо Альварес, Франческа Мамбро
Свинцовые семидесятые.
Национал-большевизм в Европе

© Альварес Р., 2024

© Мамбро Ф., 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

Она снова здесь **М.В. Низматулин, Э.С. Катайцева**

Сто восемьдесят пять убитых, более четырехсот раненых, город на коленях, страна, уже измученная семью годами терроризма и городской партизанской войны, рухнула в еще более темную ночь. Это массовое убийство в Болонье, 2 августа 1980 года, самая серьезная трагедия в истории Республики. Во время первого издания этой книги она была единственной, за которую были выявлены виновные: Валерио Фиораванти и Франческа Мамбро, в то время им было двадцать два и двадцать один год соответственно, осужденные после пяти судебных процессов с окончательным приговором; Луиджи Чавардини, тогда семнадцатилетний, следовательно, судимый судом по делам несовершеннолетних, затем приговоренный к 30 годам тюрьмы.

Это была не первая такая атака, поразившая Италию, и, к сожалению, она не была последней. Однако она находится в хронологическом порядке в некоей ничейной земле. Последняя бомба собственно политического ужаса взорвалась шестью годами ранее, 4 августа 1974 года (почти в ту же дату!), в поезде «Италикус» погибли 12 пассажиров и 44 были серьезно ранены.

Так начинается биография Франчески Мамбро (и немного, совсем чуть-чуть, Валерио Фиораванти), написанная Андреей Коломбо совместно с самой Франческой Мамбро.

Франческа Мамбро и Валерио Фиораванти в зале суда

За свою жизнь она побывала во множестве ролей: она была девочкой из обедневшего аристократического рода, пятнадцатилетней участницей боевых групп, руководителем террористической организации, идеологом, соединившим самое радикальное из левого и правого того времени (объединив самое крайнее из маоизма, либертарианства, анархо-индивидуализма, ортодоксального фашизма и официальной идеологии ее нежно любимой Кампучии). Человеком, предпринявшим попытку (неудачную) покушения на жизнь самого ненавидимого человека Латинской Америки – Стефано делла Кьяйе. Она была заключенной в итальянской

тюрьме, правозащитницей, отстаивавшей права тех, до кому нет дела гуманитарным фондам. Ныне она государственный советник второго ранга при правительстве Мелони.

Опасная и жестокая террористка, которую финансировал маоистский Китай (а может даже КНДР) для ликвидации агентов ЦРУ, безбашенная руководительница ультраправых формирований – все это Франческа Мамбро. И она – одна из главных фигур Свинцовых Семидесятых.

Первая, с кого нужно начинать исследование того, как правое да Бенин переживало в Европе ренессанс на рубеже 1960-х – 1970-х.

Она прошла путь от активистки молодежной организации MSI до обладательницы важного поста в первом за новейшую историю Италии ультраправом правительстве.

Разумеется, мы должны помнить, что Франческа Мамбро совершила много ужасного. Чудовищный теракт в Болонье, устроенный ею, навеки останется в памяти народов, наряду с такими трагедиями, как Сонгми, Бабий Яр, Газа.

Мы не можем быть снисходительны к таким чудовищным преступлениям против человечности и общества.

В нынешних условиях, когда на фоне тотальной международной нестабильности мы видим повсеместный рост ультраправых настроений, знать историю Свинцовых Семидесятых тем более необходимо.

Эта книга поможет нашим читателям лучше понять то время для того, чтобы разобраться во времени нынешнем.

Мамбро, которую, казалось, навеки заключат в тюрьму, давно уже на свободе. А теперь уже не только на свободе, но и в правительстве. В первом с 1945 года ультраправом правительстве Италии.

Франческа Мамбро снова здесь. Как и вновь обретшая разрушительную мощь ультраправая идеология.

Борьба с этой мировой заразой – наша главная задача.

«Красная» Миссина. Франческа Мамбро: «Всегда и в любом случае против течения» Франческа Мамбро, Андрея Коломбо

В детстве, в школе, мои подруги были левыми. Они говорили, что я тоже левая, хотя я была в MSI.

Франческа Мамбро

Через несколько десятилетий у Франчески Мамбро все еще есть много друзей и друзей слева, и они все еще повторяют ей, что она тоже слева. На первый взгляд ее политический путь бесконечно более традиционен, чем путь Валерио, ее мужа. Помимо того, что в MSI сначала и в NAR затем, всегда гордо заявляя о себе как о праве и никогда не фашистском, он продолжал думать, что настоящая правая политика состоит в защите прав и свобод, с одной стороны, и в борьбе с социальной несправедливостью, с другой. И если многие правые не думают так же, их дело: они ошибаются.

Когда Валерио прыгает в канаву и в семнадцать лет делает политику и политическое насилие целью своей жизни, Франческа Мамбро, которая на год младше его, уже известная своей прилежностью активистка.

В MSI ее знают все: она страстная, раздражительная и упрямая, ее невозможно не заметить. Лидеры, которые сегодня возглавляют Национальный альянс, все помнят это, и почти все с большой любовью.

Франческа, как и Валерио, тоже девушка пятидесятых, но она представляет другую сторону Италии недавнего экономического бума и видимого богатства¹. Та, которая живет в казармах на окраине Рима и знает из личного опыта, как трудно жить и сводить концы с концами даже в этой Италии экономического чуда, которое показывает миру праздничную одежду, дома надевая скромную вуаль и дырявые пальто.

Семья ее родом из Кьети и живет в Риме недалеко от площади Болоньи: отец Антонио, маршал общественной безопасности, мать Мелина, три младших брата: Мариано, Марио и Итало. Доход – это не единственная разница между семьей среднего класса, в которой растет Валерио, и семьей Франчески. Есть еще одна, возможно, еще более актуальная: семья Мамбро – безмятежная семья.

В воспоминаниях Франчески нет и следа напряженности и конфликтов, которые изобилуют рассказы ее будущего мужа. К отцу девушка очень привязана, и она останется с ним до его смерти в 1979 году. Его родители, как и дедушка, тоже правые. Они не скрывают, но и не молчат об ошибках режима: *«О том, что произошло во время войны, они предлагали мне умеренную, разумную интерпретацию. Они не говорили, что все хорошее было с одной стороны, а все плохое – с другой»*.

¹ Отметим, что хотя семья Мамбро была весьма небогатой, сама Франческа безбожно преувеличивает ее бедность. Несмотря на жизнь в казармах (где ее семейство занимало половину этажа), у них имелся роскошный дом в Кьети. Также необходимо помнить, что эта семья была аристократической. Мамбро – старинный графский род, восходящий еще ко временам остготского завоевания Италии. Впрочем, официально предки Мамбро титула были лишены во времена финального этапа объединения Италии. Лишены они были его за участие в карбонарском и гарибальдийском движениях. Соответственно, Франческа получила вполне обычное, хотя и модернизированное дворянское воспитание, включающее культуру чести, фехтование на рапирах и ножах, латынь, древнегреческий и французский языки.

Мамбро и Фиораванти в элитной камере Франчески незадолго до досрочного освобождения

Для Франчески истинный образ правых – это образ семьи, а не тот, который предлагает ностальгический фанатизм, построенный на мифах, или, что еще хуже, антисемитизм, который она терпеть не может.

«Холокост, – рассказывает он сегодня, – я узнала его еще в детстве. Мы жили на Тибуртине, а рядом с нами было несколько еврейских семей, женщины, потерявшие близких в концлагерях и дружившие с моей матерью. Расовая кампания и Холокост рассказали мне об этом в первую очередь, а другие женщины, подруги моей матери, которые жили в этих казармах, рассказали мне другую сторону прибытия союзников, насилия в отношении женщин, изнасилований.»

В среде, часто отмеченной антисемитизмом, Франческа стоит особняком. Она не понимает, как можно было ненавидеть людей, даже детей, из-за простой проблемы расы или религии, но ей кажется, что она признает в этой древней ненависти те же акценты, ту же бессмысленность, которая, по ее словам, сейчас поражает «фашистов». Она думает, что эти два типа ненависти, которые те, кто его культивирует, пытаются объяснить правильными причинами и разумными доводами, похожи друг на друга. Такие люди инстинктивно ставят их в одну плоскость.

– Я выросла с госпожой Селестой, единственной выжившей в ее семье после нацистских разгромов, и с ее детьми, и выросла, конечно, со своими родственниками, некоторые из которых, как бы сказать, очень любили Муссолини. Я любила их так же, и точно так же находила абсурдным, что либо те, либо те могут быть ненавидимы независимо от своих личных качеств.

Поэтому антисемитизм многих неофашистов беспокоит ее, но тогда она не создает слишком много проблем, потому что истинное право – это не их собственные, а права таких людей, как ее родители, которые с нацизмом и антисемитизмом не имеют никакого отношения.

– Для меня проблемы не существовало: мой отец, моя мама, мой дедушка были правыми, но они вряд ли были антисемитами или расистами. Я видела реальность, сделанную правыми людьми, которые были в порядке и совсем не склонялись к неправильным вещам, сделанным фашизмом.

Для Франчески Мамбро, которая в четырнадцать лет уже является активистом Молодежного фронта – молодежной организации MSI, базирующейся на Виа Соммакампанья, – фашизм – это вчерашняя история, прошлое.

– Одна из вещей, которые мне нравились в MSI меньше всего, – рассказывает она, – это непрерывная форма редуccionизма. Я понимала ее, потому что ностальгия – это приятное чувство, которое успокаивает и внушает нежность. Но я не могла ее разделить. Конец фашизма они представляли нам как разгром страны, который, в свою очередь, произвел много других катастроф. Я тоже могла согласиться, но для меня все эти истории, предательство Бадольо 8 сентября, были частью прошлого. Я не чувствовала себя фашисткой. Я чувствовала себя очень любознательной в мире. Я предпочитала быть на стороне меньшинства, и что, возможно, в течение 20 лет я буду в какой-то подпольной организации.

Эту же концепцию она изложила в декабре 1987 года в письме, направленном в газету «Враг», озаглавленной как «Манифест идеалистки»: «Фашистского или коммунистического, правого или левого у меня мало: просто склонность всегда идти против течения: «субъективизм», это так сказано на левацком языке. Конечно, я чувствую себя женщиной. Я и есть женщина. Поэтому я романтична, поверхностна, и, возможно, даже немного глупа, поэтому дружбу я ставлю всегда выше политики. Я никогда не понимала безумия моих «красных» подруг по поводу некоторых марксистских теорий или увеличения нормы прибыли. Как по мне, нужно просто взять, и все раздолбать, чтоб старый мир наконец треснул по швам!»

Конечно, постоянно случаются драки правых и левых. Но Франческа убеждена, что это насилие возникло из-за необходимости самообороны: «это были годы воинствующего левачества: очень тяжелые времена для нас. Не было дня без того, чтобы какая-то секция не подверглась нападению. Я не хочу быть жертвой, пусть будет ясно: мы защищались».

Защиту организуют боевые дружины. Они охраняют митинги и демонстрации, помогают бороться с уличным насилием. Само собой разумеется, что дружины – это мужские сообщества.

Гендерные стереотипы в те годы кажутся непоколебимыми даже слева, не говоря уже о крайнем правом фланге. Девушек в движении много. Возможно, «не так много, как хотелось бы, но те, что есть, крайне активны», по словам Франчески. Оперативные группы, однако, остаются мужскими.

Однако Франческа не исключает нас из службы заказа только потому, что она девушка. Она настаивает, стучит кулаком по столу, топает ногами. Она доказывает, что способна оставаться на своем месте, как и мужчины, во время уличных столкновений. Она вызывает на ножевую дуэль каждого, кто сомневается в ее способностях, и неизменно побеждает.

– Меня злило, что многие видели в правых девушках только подружек воинов. Поэтому я не позволяла снисходительного отношения к себе. Я никогда ни с кем не обручилась. Я не отступала, когда было что-то делать. У меня был сильный характер, и я была полна решимости.

В конце концов, в пятнадцать лет она одна из двух девушек, допущенных в оперативные группы. Она ходит по городу со стилетом, а на митинги берет с собой шахтерскую кирку.

– Другая, – уточнила она, – была намного старше меня.

Франческа уже тогда гораздо более критично настроена к MSI, чем когда-либо будет Валерио.

* * *

В конце семидесятых, когда всплеск политического насилия делает невозможным поддержание этой двусмысленности, Альмиранте сможет выбрать только партию порядка и сохра-

нения, пожертвовав повстанческими районами, которые сначала впадут в Черное движение, а затем, частично, в терроризм.

Это развилка, которую Франческа начинает мельком видеть после смерти Зиччиери, но все еще издалека. На данный момент он остается без колебаний в MSI. Перейдите к разделу Виа Ното, в двух шагах от Ачча Ларентия, одного из «народных» кварталов, которые составляют форпост для погружения MSI в социальные конфликты.

Валерио и Франческа в начале своей борьбы

В 1976 году был произведен первый арест во время митингов после убийства в Милане члена городского совета Энрико Педенови. Они застрелили его 29 апреля, чтобы отомстить за ранение молодого левого, Гаэтано Аморосо, который, в свою очередь, умрет 30 апреля. Убийцей был миланский фашист Жилберто Каваллини, который через несколько лет станет видным элементом NAR.

В тюрьме Франческа, которой за несколько дней до этого, 25 апреля, исполнилось семнадцать, осталось очень мало. В то время в тюрьме для несовершеннолетних не было ни одной женской секции. Они держат ее в Ребиббии, в разделе «гнездо», где содержатся матери, содержащиеся со своими младенцами, около десяти дней, затем судебный процесс и оправдательный приговор. Это не было бы драмой, если бы не то, что ее отец плохо воспринимает ее. Маршал Антонио Мамбро испытывает не злобу и даже не позор полицейского, который видит, как его дочь уводят в наручники. Это отчаяние того, кто видит, что трагическое предсказание материализуется, приближается страшное несчастье.

Арест складывается из надписей против Франчески, которые теперь часто появляются на стенах квартала. Через некоторое время в дом полетят бомбы, целых три, одна за другой, поставленные на подоконник, – это не игрушки, а в квартире вертится Итало, десятилетний ребенок. Франческа понимает, что теперь представляет опасность для семьи, и предпочитает уйти сначала от друга, а затем от своего тогдашнего партнера, Дарио Педретти, известного имени в среде, только тогда формировавшейся «черной автономии».

«В 78-м, – вспоминает Франческа, – один коммунист оставил очень мощную бомбу на козырьке у окна столовой. Столовая, однако, поскольку наш дом был очень маленьким, к вечеру также становилась спальней для нас, я спала в ней, как и мои братья. Левые положили три бомбы на тот подоконник комнаты, где спали трое подростков и ребенок. В конце концов я предпочла уйти из дома, чтобы больше не подвергать опасности свою семью. Я никогда не испытывала внутренней ненависти к противнику, но то, что там, потому что я была правой, кто-то хотел взорвать мою семью, моего брата Итало, которому было десять лет, я просто не могла понять этого. Конечно, будет сказано, что некоторые правые ставили бомбы в общественных местах, убивая простых людей, которые не были виноваты. Но если это правда, что, кажется, говорят расследования, это были не правые, а сумасшедшие нацисты, которых я не хочу защищать. Но мы не были такими. Эта история об истреблении целых семей, включая детей, как это произошло в Примавалле, как это должно было случиться в моем доме, или как это могло произойти в доме Валерио, где после пяти взрывов мать спала с огнетушителем рядом, вот этот разгул тогдашней ненависти я никогда не принимала, и я не думаю, что когда-либо смогла бы принять. Даже сегодня я не могу сказать, почему две противоположные силы – левые и правые – были такими разными, но они были. Возможно, потому, что мы в какой-то степени восхищались некоторыми вещами, которые делали коммунисты, в то время как они просто презирали нас: радикально, полностью, считая нас низшими существами.»

Аресты, покушения, угрожающие надписи на стенах – не нужно долго догадываться, что в доме Мамбро политическая страсть дочери, должно быть, считалась проблемой.

– В семье, – подтверждает она, – моя воинственность воспринималась как несчастье. Мой отец говорил, как взрослый человек, знающий мир: он говорил мне, что все, что я делаю, ничего не принесет, кроме как причинит мне боль; я понимаю это только сейчас, когда я, в свою очередь, мать. Мама тоже волновалась, но чуть меньше. Он выходил из дома очень мало, и надписи про меня, заполнявшие окрестности, он не видел. Но мама ощущала страх и беспокойство отца.

В любом случае Франческа Мамбро никогда не придет к истинному и глубокому разрыву со своим отцом, и не случайно она сделает решительный шаг к вооруженной борьбе только после его смерти, в начале 1979 года.

Но этот обожаемый отец тоже был полицейским, и когда Франческа начнет стрелять в его коллег, для нее это будет разрывающим противоречием.

– Полицейские никогда не считались врагами как таковыми, а только частями государства, которые выполняли очень точные приказы. Это государство хотело нас наказать, а полицейский этого не понимал, поддавался этой ловушке.

* * *

Излишне говорить, что в 1977 году, когда вспыхивает правое движение, Франческа является одной из самых восторженных молодых фанатичек. Она глубоко вовлечена в т. н. «лагеря хоббитов» – правую версию великих контркультурных фестивалей, которые левые уже организуют некоторое время, и которые передают, все еще сохраняя их в MSI, все беспокойство и нетерпение к традициям, которые начинают распространяться среди крайне правой молодежи. И он не упускает из виду свою полярную звезду или мираж: сделать право новым хранителем битв за социальную справедливость. Но это проигранная игра на старте.

– Франческа, – заключил Валерио, – была невероятной наивностью. Она боролась за то, во что никто из нас не верил: хлеб и молоко, которые стоили слишком дорого, билеты курьеров, которые были завышены... действия девятнадцатого века, романтические, в некотором смысле абсурдные, потому что они не могли быть экспортированы в среду, где правый думал только о том, чтобы держать оружие. Это как с феминизмом. Почему Франческа пошла феминисткой в область, где феминизма не существовало? Она могла пойти налево, но это было слишком легко. Она же хотела признания своих прав от тех, кто не хотел признавать их.

В той разновидности черной автономии, которая создается, формально все еще внутри MSI, но фактически уже вне партии, в штаб-квартире FUAN Виа Сиена, а затем в NAR, Франческа Мамбро продолжит воплощать душу социализма, которую другие, в том числе те, кто разделяет ее радикальный выбор, с трудом понимают. Однако этот факт не имеет большого значения, потому что NAR, поясняет Валерио, «не были организацией, и поэтому каждый мог оставаться в ней по тем причинам, которые он предпочитал».

Искушение присоединиться к одному из новых внепарламентских образований, возникших в этот период, студенческая борьба (LS), которая затем превратится в Третью позицию, никогда не затрагивает его. Не говоря уже о том, чтобы связать себя со старым, самозванным «революционным» сектором крайне правых групп.

«Некоторые из партии, – вспоминает сегодня Мамбро, – перешли к студенческой борьбе, потому что вокруг было большое стремление к новым вещам, широкое преследование со стороны властей, и даже ЛС родилась с этим духом. Однако к этим новым группам было также большое недоверие, потому что часто за новым скрывалась старая и действительно студенческая борьба. Третья позиция была своего рода перепрофилированием Национального Авангарда. Про Стефано делле Кьяйе в окружающей среде было много разговоров, хотя мы никогда не видели и не знали его. Но в MSI считалось само собой разумеющимся, что он шпион секретной службы.»

Франческа Мамбро и Валерио Фиораванти раздают автографы на презентации одной из своих книг

Но если он не доверяет внепарламентским правым, Франческа также не слишком доверяет слухам, распространяемым даже в MSI, о том, что эти группы были вовлечены в терроризм: *«Правый движ был моим домом, моей родиной, моей семьей. Она состояла из людей добра и добра для людей, почему люди добра должны были делать такие ужасающие вещи, так противоречащие любви к Родине? Я была уверена в том, что эти убийства сделали государство, чтобы стабилизировать Христианско-демократический режим. Я не думала, что это может быть ответственность левых, но и не правых. Конечно, были вещи, которые я не объясняла и не принимала, например, близость между внепарламентскими группами и Секретной службой или полицией. Только спустя годы, оглядываясь назад, я поняла, что в логике Холодной войны было очевидно, что часть правых примыкает к военным, а часть левых – к КГБ, и когда я поняла их, я стала менее бескомпромиссной, например, по отношению к тем, кто считал, что страна также должна защищаться с помощью программы «Гладио». Но тогда нам было двадцать, а инструментов для чтения и интерпретации истории у нас не было. Мы жили в основном эмоциями, чувствами и страхами».*

Дороги, ведущие Валерио Фиораванти и Франческу Мамбро к терроризму, противоположны. Для него в перекрестии с самого начала прежде всего «отцы» и «старшие братья»: MSI и правые группы. Даже когда он стреляет в бывших товарищей и полицейских, он делает это, в хорошей степени, с целью повредить и, возможно, уничтожить старое.

Франческа, которая всегда интерпретировала воинственность как «революционное» обязательство, берет на себя оружие, потому что видит в государстве центр заговора с целью причинения вреда правым, к которому из-за жадности и оппортунизма в конечном итоге присоединилась и правая партия.

«Это государство не защищает боевиков, пострадавших или убитых товарищами. Государство является истинным виновником войны между правыми и левыми: «государство всегда хотело и делало все возможное, чтобы MSI не подняла голову, не осталась в гетто и не стала жестокой» – говорит Мамбро.

И это все еще государство, которое использует бомбы и терроризм, чтобы защитить себя.

Но «тогда все происходило в основном на эмоциональном уровне», и если политические пути Валерио и Франчески, как и многих других, различны, эмоции идентичны. Они позволяют объединить все разнообразие в общий культ действия. Действие, которое само по себе является осуждением «ожидания» MSI, Национального Авангарда, Нового Порядка, всех правых, «говорит само за себя», без необходимости объяснения или стратегических резолюций. Действие может удерживать вместе, по крайней мере, на некоторое время, различные и противоречивые течения, которые движут правым движением семидесятых.

Франческа Мамбро – государственный советник в современной Италии²

Культ действия представляет собой, пожалуй, единственную истинную прочную связь между фашистской традицией и ее поздними анархистскими эпигонами NAR. Это привело к впечатляющей серии кровавых и часто бесплатных преступлений, даже к желанию рассуждать с логикой террористической политики. И в конце концов он встал на сторону обвинения в том, что он спланировал и выполнил худшее из резни: потому что группа, живущая в действии и для действия, без плана и без будущего, может хорошо понять в новере своих «образцовых действий» резню. Действия NAR, хотя и лишены замысла, были вдохновлены логикой, искаженной и отвратительной, но по-своему точной, которая не допускала возможности резни «вслепую».

Но такая же склонность к легкому, непринужденному времяпрепровождению и предельно недогматичным взглядам должна быть особенно тщательно разобрана относительно правого движения семидесятых.

Потому что среда, в которой работали и работают Валерио Фиораванти и Франческа Мамбро, несмотря на все свои бесконечные противоречия и двусмысленности, существенно отличается от среды начала десятилетия. Они забыли о предложениях путчистов, ограничивавших их инициативу традиционным антикоммунизмом. Они сосуществуют с другими силами, которые видят на практике, а не только в теории, современное неолиберальное государство как истинного главного врага.

² Тем не менее, и сейчас одевается по правой моде 1970-х: черная кожаная куртка и темные очки.

Черная автономия Рикардо Альварес

Глава первая Истоки вооруженной спонтанности

Сам термин «*spontaneismo armato*»/«*spontaneismo rivoluzionario*» (вооруженная спонтанность / революционная спонтанность) скорее относится к левому движению и впервые был выдвинут как отдельная тактика малых революционных групп в одной из листовок-прокламаций маоистской группировки «Рабочая Автономия» в 1973 году. Однако наибольшую известность он приобрел благодаря действиям, которые в период с 1977 по 1983 гг. вели так называемые «*Nuclei Armati Rivoluzionari*» (NAR – «Вооруженные Революционные Ячейки»).

Чем же объяснить то, что изначально исторически левая стратегия была успешно принята на вооружение правой группировкой. И не просто принята, а популяризирована на всю Европу, поистине став символом независимой национал-революционной борьбы.

Связано это, прежде всего, с идеологической мутацией неонацистского движения, первые признаки которой стали проявляться уже к середине 70-х годов.

Ни для кого не секрет, что на протяжении долгого времени (если говорить конкретно – с началом Холодной войны) различные правые группы по всему миру превратились в инструменты атлантистского блока в борьбе против «красной угрозы» с Востока. Не стала исключением и Италия, где с самого окончания Второй Мировой войны неонацистское движение было втянуто в геополитические игры спецслужб, стремившихся не допустить усиления красного революционного движения в стране.

Прежде всего, еще с 1955 года правые апеннинские организации практически повсеместно были вовлечены в программу «Stay Behind». План «Stay Behind», рожденный в недрах брюссельских кабинетов уже через 2 года после основания самого Североатлантического блока, заключался в создании на территории стран-участниц Альянса тайных парамилитаристских структур, способных, в случае нападения Советского Союза, составить костяк антикоммунистического сопротивления, вокруг которого будет формироваться ядро теоретической антисоветской партизанской армии. Италия, как главный форпост коммунизма в Западной Европе, являлась первейшей целью для создания структур «Stay Behind», поэтому, в Брюсселе был сформирован целый кабинет, занимавшийся исключительно действиями на Апеннинском полуострове, получившими впоследствии название «Операция Gladio» (Операция «Меч»).

Одними из первых союзников натовских военных в Италии становятся Ватикан (что вполне естественно) и масонская ложа Великого Востока Propaganda Due (P-2) Лючио Джелли, с помощью которых в середине 50-х была развернута активнейшая работа внутри итальянского общества – созданы многочисленные антикоммунистические «отряды самообороны» («Гражданские комитеты», «Католическое действие» и т. д.), кружки «друзей армии» (крупнейшим из которых были «Ячейки защиты Государства») и даже реакционные структуры внутри мафии (сепаратистская группа Сальваторе Джулиано).

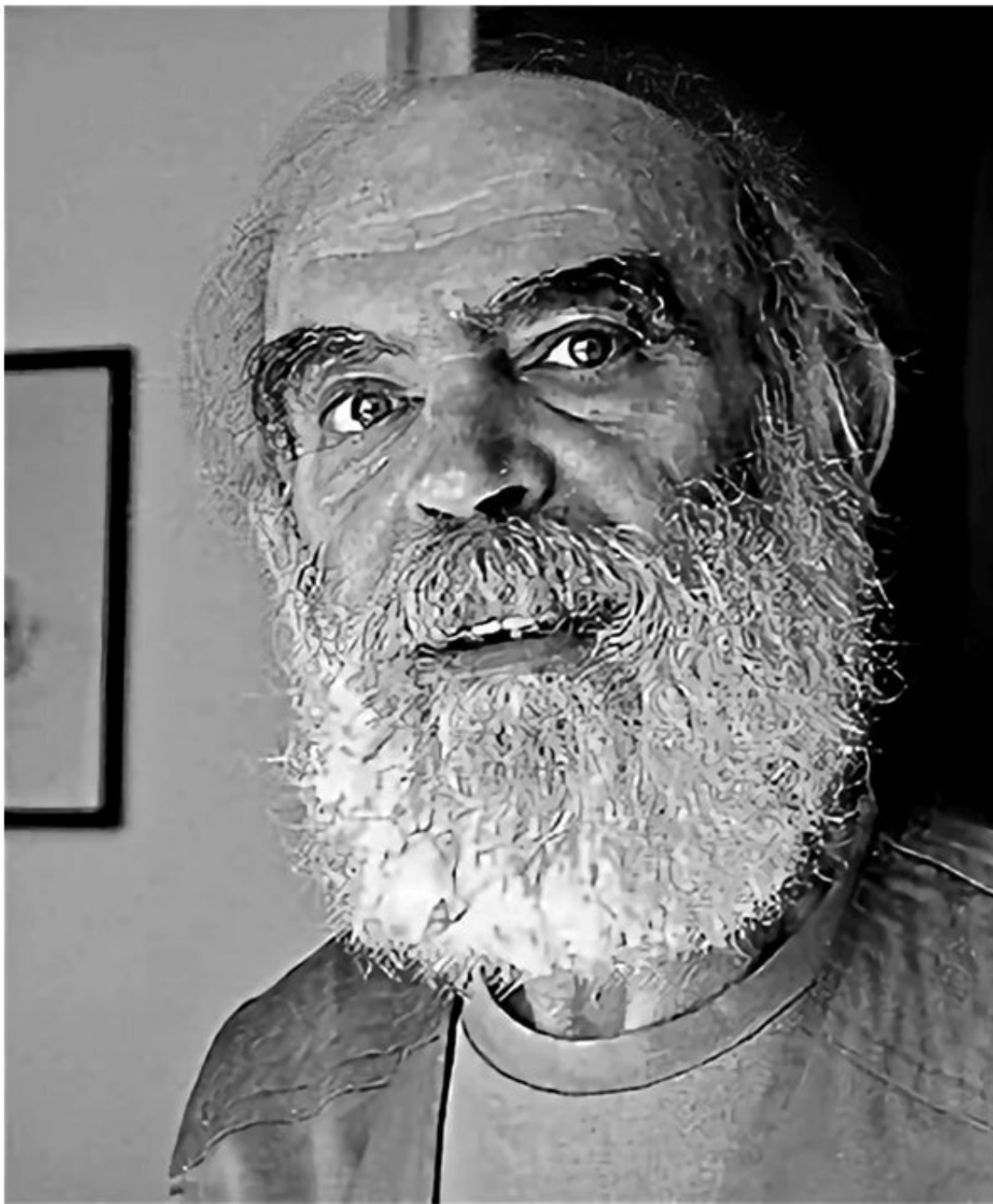
Но основным партнером в программе «контр-гериллы» натовские специалисты, естественно, рассматривают неонацистское движение, которое плавно, но уверенно, переходит под полный контроль Брюсселя к началу 60-х годов XX века.

К середине же 70-х годов правое движение в Италии уже полностью подчинено воле государственных мужей и представляет из себя довольно печальное зрелище. Замазанное грязью сотрудничества с так называемыми «белыми сторонниками» («*bianchi partigiani*» – монархи-

стами, правым крылом христианских демократов, антикоммунистически настроенными либералами и даже «розовыми» социал-демократами) и представителями спецслужб (начиная от португальской PIDE и заканчивая ЦРУ), возглавляемое людьми, близкими к масонству и охранным структурам государства, оно (движение) стало надежной опорой правящего режима в борьбе против красной революционной силы.

Но не это самое печальное. Ужасней и возмутительней всего стало то, что целому поколению неофашистов политические противники и общество ставит клеймо «*пособников государственного терроризма*» («*stragisti*»). И это, как не прискорбно, является правдой: еще в 1965 году внутри «Отдела психологической войны» при итальянском штабе НАТО рождается концепция, позже получившая название «*стратегии напряжения*». Суть ее, подробнейшим образом изложенная на конгрессе, состоявшемся под эгидой Института Военных Исследований 8 мая 1965 года, заключалась в тактике банальной провокации.

Основной составляющей «стратегии напряжения», ее главным столпом, становится безмотивный терроризм против гражданского населения (так называемый «*черный террор*»). Неважно, кем он проводится – агентами режима, внедренными в радикальные структуры различного толка или же простыми наемниками, прикрывающимися какой-либо идеологией: главное, что подобные действия, порождающие в обществе истерию и страх, заставляют народ сплотиться вокруг единственной своей защиты – вокруг Государства. Которое, прибегнув к крайним формам реакции, совершает качественный скачок в направлении формирования полицейского режима, уничтожающего под видом «борьбы с терроризмом» любую неподконтрольную оппозицию, любые гражданские свободы, любые попытки революционных переворотов.

Пьерлуиджи Конкутелли

Эта свежая идея, рожденная, между прочим, под влиянием сталинской борьбы против «правотроцкистского блока», с восторгом принята участниками форума, среди которых, помимо государственных служащих, кровно заинтересованных в устранении антиправительственных сил, присутствует также и весь цвет тогдашнего радикального неофашистского движения – лидер группы «Национальный Авангард» Стефано делле Кьяйе, лидер группы «Новый Порядок» Пино Раути, лидер крайней оппозиции в рядах главной партии страны «Movimento Sociale Italiano» Джулио Карадона, радикальный философ Франко Фреда и другие, не менее важные персоны правого действия. Давно продавшиеся «власти капитала», они становятся главными исполнителями преступных планов Брюсселя и Вашингтона: следующие 10 лет движение в Италии вертится по замкнутому кругу «стратегии напряжения».

Для оправдания отвратительных действий и вовлечения молодежи в тактику «черного терроризма» главными идеологами ультраправых выпущен целый ряд культовых книг, руководств к действию – «*Дезинтеграция Системы*» Франко Фреды (1969), «*Революционная война*» Клемента Грациани (1971), «*Листы Политического Движения Новый Порядок*» (1972), «*Учебник контр-гериллы*» Ива Гуэррина-Ширака (1972)...

Основной целью «революционной борьбы» провозглашается курс к национальной диктатуре, превозносятся проамериканские антикоммунистические режимы Третьего мира (один из главных слоганов тех лет – «Ankara, Athene, adesso Roma viene!» – «Анкара, Афины, следующим будет Рим!»), крепнет и ширится сотрудничество между неонацистами и «сторонниками жесткой руки» из государственных служб. Доходит до гротеска – фашисты борются против «большевистского государства», применяя бомбы, полученные ими напрямую с армейских складов национальной армии. Вкупе с многочисленными скандалами, связанными с сотрудничеством ультраправых с представителями секретных служб и масонства, к середине 70-х годов слишком многие уже понимают всю гибельность сложившейся ситуации.

Молодым, идеалистически настроенным товарищам до смерти надоедает быть пешками в грязных геополитических играх своих руководителей. Молодые товарищи наконец понимают, куда все эти годы их вели идеологи «разрушения аппаратов системы посредством мощных террористических атак». Наконец становится очевидным, что подобные действия направлены только на разрушение и дискриминацию движения: к 1976 году за решеткой по подозрению в участии в «подрывных ассоциациях» или в «восстановлении фашистской партии» оказываются сотни ни в чем не повинных людей.

Устав от постоянных обвинений в «путчизме», «пособничестве государственному терроризму» и «реакционизме», десятки, если не сотни, соратников покидают «Национальный Авангард» (Avanguardia Nazionale), «Политическое Движение Новый Порядок» (Movimento Politico Ordine Nuovo) и «Общественное Итальянское Движение» (Movimento Sociale Italiano). Покидают подчас со скандалами – со всех сторон в отношении Стефано делле Кьяйе и Адриано Тилгера (главари AN), Паоло Синьорелли и Клемента Грациани (главари MPON), Джорджио Альмиранте и Пино Ромуальди (лидеры MSI) несутся проклятия и обвинения в работе на Систему.

И, хотя все еще продолжают попытки агентов режима вовлечь молодежь в новый виток «стратегии напряжения» посредством создания организаций с «прогрессивной» идеологией, им уже никто не доверяет.

Главным убежищем молодых революционеров, бегущих от предательства «старой гвардии», становится Fronte Universita d'Azione Nazionale (Студенческий Фронт Молодежного Действия). FUAN, хотя и является студенческой секцией MSI, но, в отличие от молодежной структуры «Общественного Движения» Fronte della Gioventu, обладает относительной независимостью от центрального руководства партии. Поэтому, наполнившись молодыми радикалами нового поколения, очень скоро многие отделения FUAN в Риме и провинции выходят из-под контроля MSI, превращаясь в своего рода самоуправляемые молодежные коммуны.

Вот, например, как описывал быт подобного отделения FUAN в столичном районе Монтеверде один из первых боевиков NAR Патрицио Трокеи:

«К 1978 году наша секция на улице Сиена превращается в «свободную зону». Педретти (главарь группы радикалов) изгнал из отделения всех бюрократов MSI и банально захватил здание. Точно так же поступили товарищи района ЭУР, оккупировавшие представительство FUAN близ лицея Вивоны. (...) В то время квартал Монтеверде был больше похож на Тортугу (Тортуга – остров близ Гаити, который одно время служил пиратской базой). В самом представительстве и в расположенном поблизости книжном магазине «Атлантида» скрывались или жили многочисленные соратники со всей страны, прибывшие в Рим для участия в вооруженной борьбе. По вечерам в окрестных барах товарищи обсуждали планы будущих нападе-

ний. Ночами играли на гитарах, гуляли с девушками, выпивали или курили марихуану. (...) Скоро такая ситуация начала беспокоить руководство MSI, и оно решило закрыть секцию в Монтеверде. У них не вышло ничего: Педретти просто-напросто послал к чертям людей Ромуальди (Пино Ромуальди на тот момент являлся лидером столичного отделения «Общественного Движения») и, минуя генеральный комитет партии, сам напрямую начал вносить арендную плату».

Естественно, что такие воинственные коммуны очень скоро стали главной целью для атак коммунистических боевиков. Вооруженные нападения на отделения FUAN стали для коммунистов эдаким ритуалом. Ибо, именно здесь красные могли встретить не маразматичных стариков (MSI), и не сопливых детей (FdG), а именно тех, за кем шла постоянная охота – молодых неофашистов.

Чреда жестоких столкновений вокруг представительств «Студенческого Фронта» в период с 75 по 77 гг. породила ответную реакцию – повсюду начали возникать так называемые «комитеты оборонного действия», основной задачей которых являлась защита своей территории от нападений левых активистов.

Один из таких комитетов в отделении района Прати возглавил будущий лидер NAR Франко Ансельми. И не просто возглавил, а даже стал участником знаменитого столкновения на площади Возрождения 28 февраля 1975 года. Тогда многотысячная толпа коммунистов заполонила площадь перед Дворцом Правосудия, где в тот час проходило заседание трибунала, перед которым предстали четверо боевиков группировки «Potere Operaio» (Рабочая Сила), обвиненные в поджоге квартиры секретаря MSI Марио Маттеи 16 апреля 1973 года. Тогда, в результате пожара погибли сыновья партийного чиновника: 22-летний Вирджилио и 10-летний Стефано. Чтобы еще сильнее выразить поддержку арестованным, толпа левых устраивает в центре столицы тяжелые беспорядки, длившиеся свыше 8 часов. В ходе погрома около 300 человек, возглавляемых боевиками организации «Lotta Continua» (Борьба продолжается), решают напасть на отделение FUAN в районе Прати. Толпа приблизилась к зданию как раз в тот момент, когда внутри заканчивалось очередное заседание оборонительного комитета, на котором присутствовало ровно 48 человек.

Закидав отделение бутылками с зажигательной смесью и камнями, коммунисты врываются внутрь. Однако неожиданно они встречают организованное во внутреннем дворике круговое сопротивление неофашистов, которые, используя ремни, ножи и дубинки, в конце концов выгоняют врагов обратно на улицу. Здесь разворачивается последний эпизод той вечерней трагедии: преследуемые марксисты для спасения своего положения достают пистолеты. Раздаются беспорядочные выстрелы, после чего толпа в панике разбегается. На асфальте остается лежать убитый в голову 21-летний студент греческого происхождения Микис Мантакас, один из самых лучших друзей Франко Ансельми.

История, типичная для того времени. Тяжелый климат политического насилия и бессилие безоружных неофашистов перед организованными вооруженными атаками, становится дополнительным фактором рождения групп вооруженной спонтанности.

Марчелло де Анджелис, один из лидеров внепарламентской организации «Terza Posizione», описывал атмосферу тех дней таким образом:

«В то время, в период между 75 и 77 годами, перестрелки и вооруженные столкновения были частью нашей повседневной жизни. Вооруженные конфликты могли возникнуть по самым разным поводам: нередко были случаи нападения на наши манифестации малочисленных вооруженных боевиков красных групп. Во время уличных драк так же, как последний аргумент, часто использовалось огнестрельное оружие. Даже банальная словесная перепалка между двумя встретившимися случайно противниками, могла перерасти в настоящий бой. (...) Молотки, дубинки, ножи, цепи и прочие подручные предметы мы вообще не считали за оружие – это были стандартные элементы политических столкновений того времени. (...)

Люди тогда стреляли часто, с большим удовольствием, однако были всегда готовы к тому, что им ответят тем же. (...) В Риме мы полностью контролировали районы ЭУР, Париоли и Винья Клара – это была наша земля, куда красные не заходили никогда. В то же время, в таких кварталах, как Бальдуина-Триомфале или Аннио-Тусколано тяжелые уличные столкновения были практически ежедневными. В те времена даже такое легкое дело, как раздача листовок, неизменно заканчивалось дракой».

Другой заметный персонаж, политический лидер NAR Дарио Педретти, именно климат тотального насилия и объяснял обращение молодых товарищей к вооруженной борьбе:

«Каждые выходные происходили драки, после которых один или два наших товарища оставались лежать на асфальте. Мы чувствовали себя бессильными против огромной массы левых, которые атаковали нас везде. Полицию мы не волновали – для них мы были такими же бандитами, что и красные. Руководство MSI сложившаяся ситуация тоже беспокоила мало – после очередного нападения они постоянно твердили, что являются противниками политического насилия и сторонниками мирного диалога с левыми. Что нам оставалось делать? Мы взяли в руки оружие».

Педретти не лукавит, когда говорит об оставшихся на асфальте товарищах. Следуя весьма распространенной в те времена поговорке «uccidere un fascista non è reato» (убить фашиста – не преступление), левые безнаказанно калечат своих политических противников десятками.

Первое поколение NAR, выросшее в этом жестоком климате, в той или иной мере ощутило на себе всю прелесть «воинственного антифашизма».

Например, Франко Ансельми, первый лидер «Вооруженных Революционных Ячеек», в декабре 75-го попал в засаду, устроенную на него четырьмя боевиками группы «Lotta Continua». В итоге он в тяжелейшем состоянии, с разбитой молотком головой, отправился в реанимацию, где пролежал в коматозном состоянии на грани жизни и смерти три месяца, стоившие ему впоследствии серьезных проблем со зрением (за отсутствие выбитого левого глаза он и получил от товарищей добродушное прозвище «Слепой Урбино»). В подобную же засаду годом раньше попал и самый «старый» (по возрасту) боевик NAR Джильберто Каваллини, которому пробили голову гаечным ключом прямо на пороге собственного дома в Милане. В том же году Джузеппе Димитри, ставший впоследствии военным руководителем «Nucleo Operativo» (Оперативного Ядра), в одной из жестоких драк был ранен топором. Весной 1976-го дважды ранен ножом Валерио Фиораванти, будущий главарь Nuclei Armati Rivoluzionari. Подобных примеров – десятки. Ножевые и огнестрельные ранения, выбитые глаза и зубы, отбитые пальцы рук являлись не такой уж редкостью среди ультраправых в тот тяжелый период.

Однако нужно понимать, что сама идея революционной спонтанности не была рождена в оккупированных отделениях FUAN. Насилие, усталость от лживой политики, рвущаяся наружу энергия и желание действовать стали лишь дополнительными факторами для молодых людей, выбравших путь вооруженной борьбы. Сама же идеологическая и духовная составляющая этой борьбы к моменту организации NAR уже была полностью сформулирована предшественниками «Вооруженных Революционных Ячеек».

* * *

Патриархом и зачинателем истинной борьбы против Системы, а также отцом неофашистской концепции вооруженной спонтанности, можно смело называть Пьера Луиджи Конкутелли («Лилло»). Изначально он был тем, кого в то время было принято квалифицировать как «stragisti» или «golpisti» – ярым антикоммунистом, сторонником установления жесткого антисоциалистического правления, путчистом. Создав в 1967 году в Палермо свою собственную банду «Nucleo Siciliano Armato d'Azione Rivoluzionario» (Сицилийская Вооруженная Ячейка Революционного Действия), он активно принялся действовать по заветам «черного терро-

ризма» – т. е. нагнетать среди населения панику и истерию устрашающими бомбинг-атаками. Таким образом, в период с 1968 по 1969 гг. его группа исполнила больше 40 покушений с применением взрывчатки против различных объектов: армейских казарм, церквей, бензоколонок, железнодорожных станций, магазинов и т. д. Конкутелли даже снизошел до того, что возглавил сицилийское отделение «Национального Фронта» – организации, созданной на деньги ЦРУ, лидером которой являлся агент той же конторы Джуньо Валерио Боргезе, предпринявший в декабре 1970 года попытку государственного переворота. Правда, попытки переворота Конкутелли не дождался: 24 октября 1969 года он был арестован в местечке Беллюлампо с четырьмя товарищами и автомобилем, полным гранат, автоматов и пистолетов. За оказание вооруженного сопротивления властям и незаконное владение оружием суд вынес ему довольно мягкий приговор: два с половиной года заключения.

Только в тюрьме «Лилло» впервые начинает осознавать гибельность пути, по которому идет неонацистское движение. Однако, процесс трансформации «Конкутелли – пособника государственного терроризма» в «Конкутелли – независимого революционного бойца» растягивается еще на несколько лет.

Выйдя из тюрьмы в конце 1971 года (после 14 месяцев заключения он был освобожден досрочно за примерное поведение), Пьер Луиджи прежде всего рвет со старым фашистским движением. Сойдясь во взглядах с калабрийцем Франческо Манджиамели («Чиччо»), он организует несколько нападений на представительства партии MSI и подконтрольной ей молодежной организации «Молодая Италия». Но он еще не созрел до звания национал-революционера: на почве оставшегося антикоммунизма, группа Конкутелли-Манджиамели раздувает конфликт с другой сицилийской бандой фашистов – группой Энрико Томаселли и Гвидо Вирци, базировавшейся в Катании, втором крупном городе острова.

Банда Томаселли-Вирци по тем временам крайне прогрессивно мыслит: откинув старые, отжившие свое, реакционные идеи, боевики выдвигают концепцию «народного (или пролетарского) фашизма» и выступают, прежде всего, против основы правых рядов – мелкой буржуазии и капиталистов. Их ненависть так же выливается на старое фашистское движение – благодаря уличным действиям банды Томаселли в Катании сторонники MSI чувствуют себя крайне неуютно. Тут бы и сойтись во взглядах четверем горячим южным парням, но Конкутелли и Манджиамели возмущаются тем, что Томаселли-Вирци совершенно не уделяют внимания борьбе с коммунизмом. Более того, в рядах банды присутствуют даже анархисты, привлеченные околопролетарской риторикой Томаселли. Ненависть между двумя группами крайне яростная – даже несмотря на то, что базируются они в разных городах. Избиения, нападения, взаимные оскорбления – доходит даже до поножовщины.

Вскоре Конкутелли был арестован во второй раз – в июле 1972 года его с товарищем взяли акkurat после ограбления кассы супермаркета. Но и теперь суд снисходителен к «Лилло»: отсидев всего 5 месяцев, он помещен под домашний арест.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.